

НОВЫЙ ВКЛАД В ИСТОРИОГРАФИЮ ПРАВОСЛАВИЯ В СИБИРИ**(Рец. на кн.: Манькова И. Л. Православный ландшафт городов Западной Сибири в XVII веке / отв. ред. И. В. Побережников;****Институт истории и археологии УрО РАН.****Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. 394 с. 8 с. ил.)**

doi: 10.30759/1728-9718-2023-1(78)-197-199

Нельзя сказать, что история официальных структур Русской православной церкви на всей территории, лежащей к востоку от Уральского хребта, полностью игнорировалась исследователями. Кроме важных работ и публикаций Н. Н. Покровского, Е. К. Ромодановской (1994 и др.), А. Т. Шашкова (2013) имеются более современные исследования молодых сибирских и уральских ученых. Отметим публикации И. А. Никулина (2015 и др.) и Н. С. Хариной (2012 и др.). Однако и на этом фоне выход рецензируемой монографии является важнейшим событием в истории изучения русской православной церкви в Сибири в XVII в.

Без малого четырехсотстраничный том с цветными и черно-белыми иллюстрациями высокого качества освещает целый ряд важных вопросов, которые раньше не находили должного раскрытия в историографии, тем более в формате монографии. Работа разбита на несколько глав: «Столица Сибири и епархии», «Города Северо-Западной Сибири», «Города Юго-Западной Сибири», «Города на главной “государевой дороге”» — и снабжена указателем, словарем терминов, списком сокращений и резюме на английском языке.

Своей методологической перспективой Ирина Леонидовна избрала «апроприационный» подход. Она рассматривает создание «православного ландшафта», то есть всех форм антропогенного ландшафта, связанного с исповеданием православного христианства, как форму «присвоения» (или «освоения») сибирских земель русскими переселенцами. Она справедливо отмечает, что ткань повседневности в эпоху Нового времени была пронизана разными формами религиозного опыта и культа, как парча пронизана золотой нитью, но проще изучить создание системы храмов и других церковных зданий и учреждений, чем ответить на вопрос о повседневных практиках, акторах и других тонких и менее уловимых аспектах этого процесса. Система православных святынь не только маркировала территорию, обеспечивала религиозные нужды (молитвы и требы),

но и ставила ландшафт под защиту духовных сил (с. 12, 48, 49, 51, 66 и др.).

Материалы для исследования, разумеется, черпались не только из литературы, но и из важнейших для региона архивохранилищ. Здесь стоит упомянуть Государственный архив древних актов в Москве, архив Санкт-Петербургского института истории России, Санкт-Петербургское отделение Архива Российской академии наук, Государственный архив Тобольска, Рукописный отдел Российской государственной библиотеки и Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник (с. 15). Таким образом обеспечиваются богатство архивных материалов и обоснованность выводов книги. В работе содержится больше 250 ссылок на материалы Сибирского приказа, три десятка ссылок на Архив СПбИИ РАН, примерно по столько же ссылок на ОР РГБ и СПбФ АРАН.

Территориальные рамки книги охватывают города Западной Сибири: Тобольск, Верхотурье, Туринск, Березов, Пелым, Тюмень и Тару, — которые выступали как военно-административные центры, а также как очаги ремесла и торговли. С одной стороны, такие территориальные рамки понятны и обоснованы. Но, с другой, конечно, возникает вопрос о восточных рубежах изучаемого процесса в XVII в. Читатель сразу вспоминает о «православном ландшафте», например, Енисейска или Иркутска, и жалеет о том, что эти важные центры русской колонизации такой монографии пока не удостоились.

В XVII в. во всех рассматриваемых городах, кроме Пельма, были построены монастыри. Посвященные им страницы монографии существенно дополняют более раннюю статью И. Л. Маньковой, которая содержит список более чем 30 сибирских монастырей с восстановленными датами основания. Отдельной интересной темой является история женских монастырей, которую И. Л. Манькова раскрывает с массой интересных подробностей (с. 74, 77, 154, 214, 215, 222, 243, 244, 256, 268, 300, 308, 314, 357). Чего стоит только приводимая

цитата из грамоты игуменьи Парасковии, которую архиепископ характеризовал как «во всем благоговейну, и чистоте боголюбиву же, и боящуюся Бога, и зело сокрушенну сердцем и православием, и сиящу, и разуму Божественных писаний довольно исполнена, и приводящее себе во благоспасительное дело» (с. 218, 219).

Монашеские традиции Березова, Тары и Туринска были неустойчивы, как и условия их физического существования. Это и не удивительно: «Река Об великая, по той реке Обе снизу от моря стоит город Березов, вверх идучи, на правой стороне. А пашенных мест нет, хлеб не родитца, пришли места лесные, и болотные, и низкие, и стюдено, овощ никакой не родитца. А рыбы и птицы много. А живут остяки, питаютца рыбою и зверьми, а язык сургутцкой и березовской один» (с. 131).

Тобольский Знаменский и Верхотурский Свято-Николаевский монастыри стали подлинно духовными центрами как местного сообщества, так и всего региона. В 1704 г. Верхотурский Николаевский монастырь получил мощи преподобного Симеона (с. 297, 304). Митрополит Игнатий написал житийное произведение о преподобном Симеоне Верхотурском (с. 359).

Из всех сибирских городов выделяется Тобольск. Это была административная столица всей Сибири и центр Сибирско-Тобольской епархии, созданной в 1620 г. (с. 13). Православный пейзаж Тобольска выделялся тем, что имел значительное количество приходских церквей и резиденцию епископов в Софийском и Успенском соборе (с. 122).

В последней четверти XVII в. в резиденции епископов были приняты меры по увековечиванию памяти архиепископов Макария, Герасима и митрополита Корнилия, почивших в Тобольске (в 1635, 1650 и 1677 гг.) (с. 96, 359). Постепенно их гробницы стали почитать как святыни. Резиденция тобольских архиереев сыграла решающую роль в почитании чудотворных икон Абалакской Богоматери Знамения и Казанской иконы Божией Матери из Тобольского Богородичного монастыря, а также в почитании преподобного Симеона Верхотурского.

Православный ландшафт включает в себя не только приходские храмы, монастыри, резиденции церковных владык, но и местночтимые и общесибирские чудотворные иконы (с. 89, 108, 112, 119 и др.), мощи (с. 115, 123, 225 и др.), могилы отшельников (с. 200, 306 и др.)

и святые источники. Элементы православного ландшафта проникали в структуры светской жизни; это нашло отражение в топонимии, включая названия улиц (с. 44, 51, 66, 77, 320, 360), частей городов и крепостей, башен (с. 246, 320, 322), в гидронимах и пр. Традиция ставить иконы поверх городских ворот издавна существовала на Руси. Православный ландшафт был активно функционирующей системой, ибо включал в себя не только статические объекты, но и целую систему ритуалов, одухотворявших его и придававших ему смысл: молебны, крестные ходы, паломничества (с. 67, 88, 194).

Все элементы православного ландшафта описаны в монографии по единому плану. Первые церкви были построены по указу царя одновременно с созданием городов (с. 141, 184, 326, 349). Они стали соборными церквями и поддерживались государством. Как правило, приходские церкви строились по инициативе местных сообществ. Однако у первых поселенцев часто не было финансовых средств, чтобы обеспечить свои церкви церковным имуществом. По этой причине они обращались за помощью к царю (с. 16, 29, 59, 61 и др.). Причт первых церквей пополнялся путем перевода священнослужителей из Вологды, Казани, Москвы и других городов европейской части России (с. 93, 295). Однако уже в конце XVII в. в Сибири существовали местные духовные династии (с. 167, 269, 274, 319, 328). У нас почти не сохранилось данных XVII в. о часовнях в городах Западной Сибири (с. 223).

В своей книге Ирина Леонидовна пишет, что приходские и соборные церкви определяли не только силуэт города, но и планировочную структуру. Как правило, вокруг них складывались городские площади, существование которых определялось не только потребностями передвижения, но и противопожарными и торговыми соображениями (с. 59, 60, 198, 488). С церквями связана православная погребальная культура (с. 40, 42, 50, 77, 175, 248, 232, 303, 304, 356).

Церковные здания выступали как центры общественной жизни. Во время внутригородских конфликтов они могли превращаться в место сбора и обсуждения требований определенных социальных групп. Как правило, с паперти читались важнейшие государственные указы, информирующие население о решениях царской власти (с. 237, 357).

К тексту книги у рецензента замечаний нет. Важной положительной особенностью изда-

ния является широкое использование специально вычерченной карты и реконструированных городских планов, помогающих понять, как был устроен православный ландшафт. Однако общее впечатление от них портит то, что контуры городских кварталов на планах зачем-то переданы странными трапециями и параллелограммами (ср. с. 181, 187). В условности реконструкции уличной сети не было бы большой беды, но мы почти уверены, что в ближайшие пять-шесть лет эти планы обретут большую известность и начнут гулять по просторам рунета, искажая представления наших современников. Кроме того, полный список использованной литературы, по нашему мнению, всегда служит украшением книги, а в данной монографии его нет. Также на наш взгляд, стилистика заголовочных шрифтов выбрана не совсем удачно.

Как достоверно утверждает Ирина Леонидовна, завершение процесса складывания православного ландшафта выражается в установлении сети православных храмов и монастырей, списка общесибирских почитаемых религиозно-культурных символов и формировании православной топонимики в городах региона.

Книга, несомненно, будет интересна не только читателям, которые интересуются церковной историей, но и широкому кругу специалистов разного профиля, в том числе и любителям генеалогии. Несомненно, что появление этой монографии значительно повысит качество курсов, читаемых как в светских, так и в специализированных учебных заведениях. Для историков же Сибири XVII в. эта монография должна стать настольной книгой, как и другие работы И. Л. Маньковой.

*И. Р. Соколовский,
к.и.н., Институт истории СО РАН (г. Новосибирск)*